

**МОСКОВСКИЙ КОММЕРЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРОТИВ «УЧЕБНОЙ БАРЩИНЫ»
(к вопросу об организации учебного процесса
в начале XX века и в наши дни)**

Гришина Ольга Алексеевна

доктор экономических наук, профессор, проректор по учебной работе РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: grishina.oa@reu.ru

Гришин Алексей Игоревич

кандидат экономических наук, доцент кафедры предпринимательства и логистики РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: alexeygrishin87@gmail.com

В статье освещаются некоторые вопросы организации учебного процесса и преподавательской деятельности в высших учебных заведениях России начала XX в., в частности, в Московском коммерческом институте. Рассматривается система учета педагогической нагрузки, практиковавшаяся в тот период. Отдельное внимание уделяется такому явлению в организации отечественного образования, как «учебная барщина»: ее причинам, последствиям и методам борьбы с ней. Также приводится информация о средней учебной нагрузке преподавателей МКИ в начале 1910-х гг., сопровождаемая рядом конкретных примеров объема нагрузки ряда профессоров и преподавателей института.

Ключевые слова: организация высшего образования, учебная нагрузка преподавателя, история высшего образования в России, Московский коммерческий институт.

**MOSCOW COMMERCIAL INSTITUTE
VS. «ACADEMIC SERFDOM»
(On the issue of the educational process organization
at the beginning of the XX century and nowadays)**

Grishina, Olga A.

Doctor of Economics, Professor, Pro-Rector for Teaching of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: grishina.oa@reu.ru

Grishin, Alexey I.

PhD, Assistant Professor of the Department for Entrepreneurship and Logistics of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: alexeygrishin87@gmail.com

The article highlights some aspects of the organization of educational process and teaching activities at Russian higher education institutions in the beginning of the XX century, particularly at the Moscow Commercial Institute (MCI). The system of teaching workload accounting accustomed at the time is described. The special attention is paid to the phenomenon of so-called «academic serfdom», its causes, consequences and methods to eliminate it. In addition, an information is provided regarding the average teaching workload of MCI professors in the early 1910s, followed by a number of specific examples.

Keywords: organization of higher education; teachers' workload; the history of higher education in Russia; Moscow Commercial Institute.

Официальным «днем рождения» Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова считается 19 февраля 1907 г., хотя сами основатели Московского коммерческого института (МКИ) – прямого предка РЭУ им. Г. В. Плеханова – отсчитывали свою историю с сентября 1906 г. Именно тогда открылись Высшие коммерческие курсы Московского общества распространения коммерческого образования (М.О.Р.К.О.), представлявшие собой первый в России профильный экономический вуз. А 19 февраля 1907 г. было подписано согласие Министерства торговли и промышленности Российской империи, курировавшего действия М.О.Р.К.О., на присвоение этому учебному заведению имени «Московский коммерческий институт».

Интересно, что это произошло спустя ровно 46 лет после подписания императором Александром II Манифеста об отмене крепостного права и Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Не менее интересно, что тогда на такое совпадение практически никто не обратил особого внимания, хотя между этими двумя событиями впоследствии проявилась весьма своеобразная связь. Если Крестьянская реформа 1861 г. положила конец такому явлению российской истории, как крестьянская барщина, то Московский коммерче-

ский институт своим успехом был обязан в немалой степени борьбе с неприятной реальностью мира высшего образования, получившей в начале XIX в. название «учебная барщина». Однако обо всем по порядку.

В принципе, коммерческие курсы М.О.Р.К.О. существовали с 1903 г., когда они были открыты в форме двухгодичного «полувысшего» учебного заведения, готовившего главным образом преподавателей для коммерческих училищ. Однако к сентябрю 1906 г. от первоначальных курсов мало что осталось – по сути, это уже было принципиально новое учебное заведение. Длительность обучения увеличилась вдвое и составила 4 года. Существовавшее ранее лишь в общих чертах разделение на специальности переросло в создание двух полноценных факультетов – экономического и коммерческо-технического [6. – С. 31]. На старших курсах появилась узкая специализация – это могла быть та или иная сфера законодательства, местное управление, банковское или страховое дело, производственное или торговое товароведение и т. п. При этом была система, близкая к сегодняшним творческим вузам: на старших курсах существовали «классы» определенных преподавателей, курировавших обучение той или иной группы студентов.

Популярность Высших коммерческих курсов стала неожиданностью даже для их

учредителей – после набора 1906 г. общее количество слушателей перевалило за шесть сотен. Собственно, именно популярность дала в руки Обществу мощный козырь в решении вопроса о статусе учебного заведения и позволила ходатайствовать перед Министерством торговли и промышленности о преобразовании курсов в институт. Свою роль играли организационные аспекты нового вуза, для своего времени весьма смелые. К примеру, на курсы наравне с мужчинами принимались и женщины. Однако основные причины успеха Высших коммерческих курсов носили именно академический характер – потребность в квалифицированных экономистах для растущей экономики Российской империи была колоссальной, а курсы могли похвастаться сильным профессорско-преподавательским составом.

Московский коммерческий институт возглавил Павел Иванович Новгородцев – выдающийся юрист-правовед, философ и историк права. Но поистине «звездным» состав преподавателей МКИ стал несколько позже, в 1911 г., когда широкий резонанс получило так называемое дело Кассо. Более ста профессоров и преподавателей Императорского Московского университета во главе с ректором Александром Аполлоновичем Мануйловым покинули стены своего вуза в знак протеста против урезания университетских свобод по приказу министра народного просвещения Л. А. Кассо, которым запрещалось проведение студенческих собраний, а на университетскую администрацию в известной мере возлагались «полицейские» функции. Новгородцев, сам состоявший в числе «мятежных ученых» и лично знавший практически всех, пригласил их к преподаванию в Московском коммерческом институте. Многие из этих преподавателей (включая А. А. Мануйлова) согласились, образовав таким образом костяк научно-педагогического коллектива, составившего славу МКИ в дореволюционные годы.

Бытует мнение, что ключевую роль в этом решении бывших университетских

преподавателей сыграл тот факт, что МКИ не подчинялся Министерству народного просвещения и, соответственно, рескриптам Кассо, а также в известной мере оставался общественным вузом и обладал куда большей свободой, нежели его государственные собратья. Между тем у массового перехода преподавателей из Императорского Московского университета в МКИ имелась и еще одна причина, менее заметная и ныне редко учитываемая, но от этого не менее важная.

К концу первой декады XX в. все больше ученых отмечали, что высшие учебные заведения, в особенности государственные, – не самое лучшее место для того, чтобы заниматься наукой и проводить исследования. Причиной тому была, в частности, кафедра организация работы преподавателей, которая, по мнению многих, была неплохо приспособлена для частных, поисковых исследований, но с трудом позволяла реализовывать масштабные научные и научно-технические проекты [1. – С. 8]. Но основной проблемой была чрезмерная учебная нагрузка преподавателей. Петр Николаевич Лебедев, известнейший физик-экспериментатор, первым подтвердивший опытным путем выводы Максвелла о наличии светового давления, в своей статье «Русское общество и русские национальные лаборатории» так описывал сложившуюся ситуацию: «...Русский ученый, у которого есть и способности, и желание работать в области чистой науки, волею судеб поставлен в особенно тяжелые условия, благодаря крепостной зависимости от учебных учреждений, и если мы теперь, в годовщину 19-го февраля, с жутким чувством читали воспоминания о том, как баре помыкали своими крепостными художниками и заставляли их красить заборы, то может быть с таким же жутким чувством наши потомки через пятьдесят лет будут читать воспоминания о той учебной барщине, которую отбывали Менделеевы, Сеченовы, Столетовы и ныне здравствующие крупные русские ученые, чтобы только получить право производить свои уче-

ные работы, чтобы оплатить возможность прославить Россию своими открытиями» [4. – С. 352]. С Лебедевым были в той или иной мере согласны практически все его коллеги.

Именно эта проблема и являлась для многих преподавателей той «водой», что по капле «точила камень» их карьерных планов. Нередко на исследовательскую и научную работу попросту не оставалось ни времени, ни сил, которые уходили на учебную и учебно-методическую работу. Разумеется, ни в коем случае нельзя говорить, что преподавательская деятельность воспринималась большинством преподавателей как некая трудовая повинность; напротив, в массе своей они относились к преподаванию как к культурно-просветительской миссии. Однако важно учитывать, что структура занятости, ритм и само содержание преподавательской деятельности в то время выглядели совершенно иначе, нежели сегодня.

В начале XX в. непосредственная очная преподавательская работа воплощалась главным образом в двух формах общения со слушателями – аудиторных занятиях (лекционных и практических) и внеучебных беседах. Последние могли инициироваться как самими преподавателями, так и студентами, поскольку зачастую носили необходимый характер. В условиях отсутствия иных механизмов получения информации, кроме лекций и вузовской библиотеки, и учитывая в разы меньшее в сравнении с днем сегодняшним количество книг, подобные консультации нередко становились едва ли не единственным источником уточняющей информации о предмете курса. Разумеется, эта ситуация сохранялась до начала эры массового внедрения информационных технологий на излете 1990-х гг., но изменения в структуре преподавательской деятельности постепенно происходили на протяжении всего XX в. Высшее образование, бывшее в начале 1900-х гг. доступным сравнительно немногим, становилось все более распространенным, что приводило к плавному снижению пиетета по отношению к нему. Немалую роль играл и переход

Советской России к бесплатному образованию, который сделал высшее образование практически общедоступным, но в то же время способствовал некоторой «девальвации» институтов, и феномен аудиторий, буквально ломившихся от слушателей, с годами уходил в прошлое.

Действительно, на рубеже XIX–XX вв. профессор был публичным человеком и постоянно находился под наблюдением и оценкой своих слушателей. Мемуары людей, чьи студенческие годы выпали на 1880–1900-е гг., рисуют яркую картину того, насколько важное место занимали репутация преподавателя и уровень его мастерства; даваемые преподавателям оценки разнятся от благодарности и восхищения до выраженной неприязни. Профессиональные научные достижения и работы в то время были весьма интересны обществу, и защита докторской диссертации талантливым ученым нередко превращалась в значимое общественное событие. Александр Александрович Кизеветтер, профессор истории Императорского Московского университета, впоследствии покинувший последний в связи с уже упоминавшимися событиями 1911 г. и перешедший в Московский коммерческий институт, писал в своих воспоминаниях: «Уже в средних классах гимназии я принял твердое решение посвятить себя изучению русской истории, и к Москве меня притягивало, словно магнит, имя Ключевского, тогда только что прогремевшее в связи с его блестящим докторским диспутом, на котором он защищал диссертацию: "Боярская Дума Древней Руси"…» [3. – С. 84].

В. О. Ключевский в то время был едва ли не самым популярным профессором Императорского Московского университета, на лекциях которого стремились побывать многие московские студенты. Конечно, далеко не все преподаватели могли сравниться с ним по популярности, однако практика свободного посещения лекций нередко вызывала переполнение аудиторий особенно даровитых преподавателей. Все это делало преподавательскую работу весьма непро-

стой, а преподавание в аудиториях – физически и эмоционально затратным делом.

Что же касается непосредственных показателей аудиторной нагрузки, то оценка ее уровня в вузах того времени представляет некоторые трудности. Мерой трудоемкости освоения дисциплины (а также ее объема в учебном плане) был так называемый годовой час, представлявший собой один час освоения дисциплины в неделю на протяжении учебного года. Интересно, что в этом качестве годовой час преподавателей вузов Российской империи по своей логике очень схож с так называемыми ECTS-кредитами – в среднем 1 годовой час был равен 36 академическим часам. При этом форма публикации учебных планов в официальных изданиях различных вузов не всегда позволяет отследить реальную нагрузку того или иного преподавателя, делая доступными лишь общие цифры. К примеру, учебные планы историко-филологического факультета Императорского Московского университета рисуют усредненную нагрузку преподавателя в 16–18 годовых часов, что соответствует современным 576–648 академическим часам в год. Это весьма существенный показатель, учитывая, что он представляет собой контактные часы, *не включающие* учебно-методическую работу, подготовку к занятиям, контроль самостоятельной работы студентов, текущие консультации, внеучебные беседы и т. д. Все эти виды деятельности, в современной практике объединяемые в так называемую нагрузку второй половины дня, в то время были не менее, а зачастую более трудозатратны, чем в наши дни. Наконец, важно учитывать, что многие ученые начала XX в. совмещали преподавательскую работу сразу в нескольких вузах. Помимо Императорского Московского университета это мог быть, к примеру, Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского.

По мнению уже упоминавшегося П. Н. Лебедева, а также таких видных ученых своего времени, как К. А. Тимирязев, Н. С. Курнаков, П. П. Лазарев, Н. К. Коль-

цов и др., именно эта «учебная барщина» не оставляла ученому времени на полноценные исследования, которые проводились, в сущности, «по остаточному принципу», и тем самым тормозила развитие отечественной науки. Лебедев в своих публикациях отзывался по этому поводу весьма жестко: «...если присмотреться к работе наших выдающихся ученых, то приходится утверждать, что в большинстве случаев они дали крупные исследования не благодаря тем условиям, в которых они работали <...>, а вопреки им» [Цит. по: 8. – С. 282].

Меры по выходу из подобной ситуации грубо делились на два направления. Первое состояло в коррекции учебного процесса, с тем чтобы снизить требуемый объем учебной нагрузки для ученых, непосредственно занимающихся наукой. Этого можно было достичь за счет дифференцирования норм нагрузки с более широким привлечением к преподаванию младшего научно-преподавательского персонала кафедр – лаборантов и ассистентов, а также за счет более широкого стимулирования студентов к самостоятельной работе. Вторым способом виделось создание сети специализированных исследовательских институтов. В них предлагалось сосредотачивать ученых, которые обнаружили «редкую и ценную для всей нации способность двигать науку вперед» [7. – С. 43]. Естественно, речь в этом случае не шла о тотальном «разводе» науки и образования – сотрудники подобных институтов могли и даже должны были привлекаться к работе в вузах. Однако непосредственная преподавательская деятельность в этом случае рассматривалась как раз в качестве дополнительной нагрузки.

Второй путь получил свое развитие уже 10 мая 1912 г., когда состоялось первое собрание Общества Московского научного института (ОМНИ), или, полностью, Общества Московского научного института в память 19 февраля 1861 года. Дата отмены крепостного права в России подчеркивала, по словам Лебедева – создателя этой первой российской физической школы, стремление избежать «крепостной зависи-

мости от учебных учреждений» и не подчиняться «учебной барщине». Правда, сам Петр Николаевич, разработавший устав ОмНИ и фактически обеспечивший его создание, скончался 1 марта того же года, так и не увидев рождение своего детища, которое стало, по сути, основоположником составившей впоследствии славу России «большой науки» с ее системой научно-исследовательских институтов.

Первоначально общество функционировало по принципу акционерной компании, каждый член которой был обязан приобрести как минимум один пай стоимостью 50 рублей. На эти средства, а также привлеченные пожертвования создавались специализированные научно-исследовательские учреждения. За следующие пять лет при Обществе были созданы Институт экспериментальной биологии (директор – Н. К. Кольцов), Институт питания (М. Н. Шатерников), Физический институт (П. П. Лазарев) и Центральная контрольная станция сывороток и вакцин (Л. А. Тарасевич) [7. – С. 43].

А вот представителем первого пути решения сложившейся проблемы был Московский коммерческий институт. Еще в 1908 г. Павел Иванович Новгородцев на одном из заседаний правления МКИ указывал в своем выступлении, что «...чрезмерная загруженность преподавателей рутинной работой чтения лекций и проведения практических занятий приводит не только к невозможности исполнения ими научного творчества, но и к общему крайне неблагоприятному положению внутри учебного заведения» [9]. Необходимо отдать должное Павлу Ивановичу – будучи в 1908–1911 гг. также профессором Императорского Московского университета, он в полной мере ощущал на себе все эффекты «учебной барщины» и видел, что она способна привести к самым разным негативным эффектам, вплоть до фактического распада учебного заведения. По возможности Новгородцев пытался избежать таких в своем институте. Можно с уверенностью утверждать, что это обстоятельство

сыграло едва ли не ключевую роль в решении многих преподавателей, покинувших Императорский Московский университет, продолжить свою карьеру именно в Московском коммерческом институте.

Действительно, учебная нагрузка преподавателей, и в особенности тех из них, кто активно занимался исследовательской деятельностью, была существенно ниже вышеупомянутых норм нагрузки в Императорском Московском университете. Необходимо, конечно, учитывать, что привычных сегодняшним преподавателям обязательных норм выработки учебной нагрузки на тот момент не существовало. Имелся лишь некий неофициальный уровень, как правило, определявшийся структурой учебного плана и организацией кафедр, в рамках которых та или иная дисциплина чаще всего жестко закреплялась за одним конкретным преподавателем. Последний брал на себя лекционные занятия и распределял проведение практических занятий по своим коллегам из младшего преподавательского состава. Вопросы недостаточной или избыточной нагрузки того или иного преподавателя решались ситуационно.

Как уже было сказано, получить информацию о точных объемах педагогической нагрузки того или иного преподавателя МКИ затруднительно ввиду недостатка дошедших до нас данных. Большим подспорьем здесь являются так называемые Обзоры преподавания Московского коммерческого института – официальные ежегодные публикации, содержащие общие данные об отделениях (факультетах) института, их нормальные (т. е. базовые) и текущие учебные планы, а также краткие сведения по всем курсам, входившим в учебные планы (со списками рекомендуемой литературы). Помимо данных о трудоемкости освоения дисциплин публиковавшиеся учебные планы содержали также указание на распределение предметов по преподавателям, что позволяет составить общее представление об уровнях их аудиторной нагрузки.

Средняя нагрузка преподавателя колебалась от 5–6 годовых часов, соответствовавших 180–216 контактными часам, до 9–10 годовых часов, т. е. 334–360 аудиторных часов. К числу преподавателей с относительно невысокой нагрузкой относились главным образом ученые, читавшие общие либо, напротив, достаточно узконаправленные дисциплины. Это были, в частности, выдающиеся экономисты, профессора А. А. Мануйлов и И. Х. Озеров, историк, профессор А. А. Кизеветтер, специалист по торговому праву, профессор Л. С. Таль и др. Здесь важно, однако, учитывать, что многие из них одновременно преподавали в других вузах, а также нередко вели активную общественную деятельность. К примеру, Иван Христофорович Озеров преподавал также в Московском городском народном университете имени А. Л. Шанявского и Педагогической академии, а также читал эпизодические курсы в Петербургском университете, на Бестужевских женских курсах и на Высших женских курсах Н. П. Раева в Петербурге, являясь при этом выборным членом Государственного совета от Академии наук и университетов и ведя активную научно-исследовательскую и просветительскую работу.

Более высокая нагрузка приходилась на преподавателей, читавших специальные предметы. Учебная нагрузка специалиста в области финансов и экономической политики профессора Иосифа Марковича Гольдштейна составляла 9 годовых часов (334 контактных часа), при этом он преподавал также на Московских высших женских юридических курсах и занимался активной публицистической деятельностью. Один из основателей отечественного товароведения и декан коммерческо-технического отделения Яков Яковлевич Никитинский-старший отводил 8 с четвертью годовых часов (297 контактных часов) занятиям по товароведению пищевых продуктов и связанных с ним дисциплинам.

Среди профессуры МКИ были и свои «рекордсмены» по нагрузке. Так, нагрузка профессора Николая Севастьяновича Лун-

ского, одного из выдающихся специалистов своего времени в области бухгалтерского учета и автора балансовой теории, в 1913/14 учебном году составляла 11 годовых часов, что эквивалентно 396 контактными академическим часам [5. – С. 13–18]. Следует упомянуть при этом, что Лунский был одним из самых загруженных преподавателей МКИ, который, впрочем, являлся практически единственным местом его работы. С 1907 г. Николай Севастьянович заведовал кафедрой бухучета и преподавал сразу несколько дисциплин, причем специализировался не только на бухгалтерии, но и на коммерческих вычислениях. В начале XX в. он лично разработал такое научное направление, как высшие финансовые вычисления, значительно обогатив и систематизировав разделы, охватываемые «политической» и «коммерческой арифметикой». Он же разработал вузовский учебный курс по этой дисциплине и, обосновывая ее значимость, писал, что в высших учебных заведениях Западной Европы такой предмет обязательно изучают, и «этой дисциплине дается тем большее развитие, чем выше уровень школы в научном отношении». За годы работы в МКИ профессор Лунский опубликовал немало научных трудов, в частности, «Лекции по высшим финансовым вычислениям, читанные на Экономическом отделении Московского коммерческого института» (1912), «Краткий учебник коммерческой бухгалтерии» (1913) и «Высшие финансовые вычисления» в двух томах (1916).

Другим примером высочайшей личной эффективности ученого и преподавателя является профессор Николай Александрович Шилов, физикохимик, специалист в области теории адсорбции и реакций окисления, возглавлявший в МКИ кафедру физической химии. В годы Первой мировой войны совместно с Н. Д. Зелинским и другими химиками Шилов работал над созданием средств противохимической защиты, и в 1915–1916 гг. он внес огромный вклад в создание системы противогазовой защиты армии и гражданской обороны,

разработав первую теорию действия противозага и заложив основы специального обучения и противохимической защиты войск. В ходе этих исследований Николай Александрович проводил много времени в прифронтовой зоне, руководя полевыми испытаниями, но при этом удивительным образом умудрялся совмещать свою деятельность на фронтах с активной работой в Московском коммерческом институте. В 1915/16 учебном году его нагрузка на обоих отделениях МКИ составляла без четверти 12 годовых часов, т. е. 423 академических часа аудиторной нагрузки, и это притом, что он еще читал эпизодические курсы в Императорском Московском университете. Кроме того, Шилов активно участвовал в институтской жизни, а с июня 1915 г. был представителем МКИ в Московском Военно-Промышленном комитете [2. – С. 63].

Этот оптимальный в сравнении с государственными вузами уровень преподавательской нагрузки достигался целым спектром различных методов. Одним из них была коррекция учебных планов, с тем чтобы обеспечить наиболее эффективное соотношение очных занятий и самостоятельной работы студентов. Кроме того, к преподаванию активно привлекались члены младшего профессорско-преподавательского состава (преподаватели, лаборанты и ассистенты). Это, впрочем, не значило, что у последних за учебной нагрузкой не оставалось времени на проведение исследований – показателен пример лаборанта кафедры физической химии, в будущем члена-корреспондента АН СССР Николая Александровича Изгарышева. В условиях напряженной работы в годы Первой мировой войны он смог на основе данных, собранных профессором Шиловым, выполнить в лабораториях МКИ масштабное исследование «О продуктах реакции гипосульфита с хлором в различных условиях» – одно из первых научных исследований, касающихся дела противозащиты [2. – С. 67]. Наконец, большую роль играл развитой корпус учебно-вспомогательного персонала, функционал которого

освобождал преподавателей от существенной части организационной работы.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что именно ликвидация «учебной барщины» стала в конечном итоге одним из ключевых преимуществ Московского коммерческого института. Ее отсутствие обеспечило высокую привлекательность МКИ для российской профессуры, тем самым став залогом формирования в нем сильного профессорско-преподавательского состава, и одновременно создало условия для проведения в стенах института широкомасштабных научных исследований. Именно комбинация этих факторов определила ту самобытную организацию учебной и научно-исследовательской работы, которая позволила МКИ сохранить в первые послереволюционные годы свою лидирующую позицию и стать впоследствии флагманским экономическим вузом Советской России.

Тем не менее приходится с сожалением признать, что явление «учебной барщины» продолжает существовать в российском образовании и в наши дни; в той или иной мере ее воздействию подвержены все отечественные вузы, и она продолжает оставаться одним из ключевых факторов снижения эффективности научно-исследовательской, а иногда и собственно учебной работы преподавателя. Но что такое любой юбилей, как повод обратиться к прошлому и попытаться найти в нем уроки, способные помочь в решении проблем настоящего и будущего? 110 лет истории Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, на самом деле, содержат в себе ответы практически на все сегодняшние вопросы.

В дни юбилея не лишним будет вспомнить, что между Московским коммерческим институтом и Обществом Московского научного института в память 19 февраля 1861 года существует и еще одна связь, помимо даты 19 февраля и борьбы с «учебной барщиной». Их объединяет имя Гуго Маврикиевича Марка, представителя мощного предпринимательского клана Вогау-Марков и самого щедрого жертвователя на ну-

жды науки в отечественной истории: общая сумма сделанных им из своих средств пожертвований различным научным и образовательным учреждениям приблизилась к 3,5 млн рублей, что соответствует примерно 7 млрд рублей сегодняшних. Некогда его имя носила нынешняя 137-я аудитория

II корпуса – до сих пор самая крупная учебная аудитория РЭУ им. Г. В. Плеханова. А Общество Московского научного института благодаря пожертвованиям Гуго Маврикиевича смогло пережить и Первую мировую войну, и события 1917 г., и даже Гражданскую войну в России.

Список литературы

1. *Артемов Е.* Чем ценны уроки прошлого // Наука Урала. – 2013. – № 21-22. – С. 8–9.
2. *Гришин А. И.* Николай Шиллов. В отравленном дыму // Человеческий капитал и профессиональное образование. – 2014. – № 3 (11). – С. 50–74.
3. *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914 / вступ. ст., комм. М. Г. Вандалковской. – М., 1996.
4. *Лебедев П. Н.* Собрание сочинений. – М., 1913.
5. Московский коммерческий институт. Обзор преподавания на 1913/14 учебный год. – М.: Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1913.
6. Московское общество распространения коммерческого образования. 1897/1907. – М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1907.
7. *Садовский А. С.* Неизвестный жертвователь на российскую науку // Химия и жизнь. – 2010. – № 10. – С. 43–47.
8. *Фабрикант В.* Работы П. Н. Лебедева по световому давлению // Успехи физических наук. – 1950. – Т. XLII. – Вып. 2. – С. 282–310.
9. Фонды ГБУ «ЦГА г. Москвы», ЦХД до 1917 г.

References

1. Artemov E. Chem cenny uroki proshlogo [Why Lessons of History are Valuable]. *Nauka Urala* [Science of Ural], 2013, No. 21-22, pp. 8–9. (In Russ.).
2. Grishin A. I. Nikolay Shilov. V otravlennom dymu [Nikolay Shilov. In Toxic Smoke]. *Chelovecheskiy kapital i professional'noe obrazovanie* [Human Capital and Vocational Education], 2014, No. 3 (11), pp. 50–74. (In Russ.).
3. Kizevetter A. A. Na rubezhe dvuh stoletiy. Vospominaniya. 1881–1914 [On the Turn of the Two Centuries. Memoirs. 1881–1914], Introductory Article and Comments by M. G. Vandalkovskaya. Moscow, 1996. (In Russ.).
4. Lebedev P. N. Sobranie sochineniy [Collection of Works]. Moscow, 1913. (In Russ.).
5. Moskovskiy kommercheskiy institut. Obzor prepodavaniya na 1913/14 uchebnyi god [The Moscow Commercial Institute. Teaching Review for 1913–1914 Academic Year]. Moscow, Printing House of G. Lissner and D. Sobko, 1913. (In Russ.).
6. Moskovskoe obshchestvo rasprostraneniya kommercheskogo obrazovaniya. 1897/1907 [The Moscow Society of Commercial Education Proliferation. 1897/1907]. Moscow, Printing House of I. D. Sytin, 1907. (In Russ.).
7. Sadovskiy A. S. Neizvestnyi zhertvovatel' na rossiyskuyu nauku [An Unknown Donor to Russian Science]. *Himiya i zhizn'* [Chemistry and Life], 2010, No. 10, pp. 43–47. (In Russ.).
8. Fabrikant V. Raboty P. N. Lebedeva po svetovomu davleniyu [P. N. Lebedev's Works on Light Pressure]. *Usp'ehi fizicheskikh nauk* [Success of Physics], 1950, Vol. XLII, Issue 2, pp. 282–310. (In Russ.).
9. GBU Funds 'Central Archive of Moscow', CHD before 1917.